

DOI 10.25587/SVFU.2017.4.8693
УДК 398.22(=512.1)

Н. С. Майнагашева

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА МИРА В ЭПОСЕ ХАКАСОВ И ШОРЦЕВ

Аннотация. В статье анализируются тексты хакасских и шорских героических сказаний «Алып Кускун» в записи Л. Н. Арбачаковой от сказителя В. Н. Таннагашева, «Самый невысокий из ханов Хан-Перген» («Қаннаң чабыс Қан-Перген») в самозаписи С. С. Торбокова, «Ай караттыг Кара Кан» в самозаписи В. Е. Таннагашева, хакасских сказаний «Алтын Арыг» в записи В. Е. Майногашевой от П. В. Курбижекова, «Албынжи» в записи В. И. Доможакова от С. П. Кадышева, «Тюлгю Хызыл Алып Хыс» в записи Д. И. Чанкова и В. И. Доможакова от М. К. Доброва с целью выявления особенностей традиционных представлений, связанных с образом мира этих народов. Специфика национального образа мира хакасов и шорцев прослеживается в особенностях художественного пространства, времени и системы персонажей. Автор статьи выявляет и анализирует наиболее часто повторяющиеся мотивы и образы, объекты предметного мира, служащие ключом к пониманию важных особенностей культуры этих народов, и заключает, что в эпосе хакасов и шорцев обозначены важнейшие универсалии культуры, отражающие систему понятий и способ осмысления мира. Наиболее четко прослеживаются пространственные представления этих народов, и художественный образ «своего» пространства складывается с помощью образов *горы (хребта), степи, великой реки, коновязи и белой юрты*.

Выявлено, что важнейшими опорными универсалиями в эпосе хакасов и шорцев выступают *земля, вода (чир-суг)* и тесно связанные с ними образы горы, степи, юрты, коновязи. Они обладают яркой национально-культурной спецификой и отражают представления этих народов о Вселенной и о «своем» мире, в них зафиксированы представления о месте человека в мире. Рассмотренные тексты эпических сказаний свидетельствуют о том, что, по представлениям хакасов и шорцев, в трехчленной структуре Вселенной Нижний мир является своеобразным «темным» зеркальным отражением Срединного (солнечного) мира.

Ключевые слова: хакасы, шорцы, фольклор, эпос, национальный образ мира, пространство, время, традиционное мировоззрение, универсалии культуры, мотив, образ.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-04-00332 (а).

N. S. Mainagasheva

Reflection of the traditional image of the world in the Khakass and Shor epic

Abstract. This article analyzes texts of the Khakass and Shor heroic legends “Alyp Kuskun”, recorded by L. N. Arbachakova from narrator V. N. Tannagashev; “The lowest of khans Khan-Pergen” (“Kannan chabys Kan-Pergen”) in S. S. Torbokov’s self-record; “Ai karattyg Kara Kan” in V. E. Tannagashev’s self-record; Khakass legends “Altyn Aryg”, recorded by V. Ye. Mainogasheva’s record from P. V. Kurbizhekov, “Albynzhi” in V. I. Domozhakov from S. P. Kadyshev; “Tyulgyu Khyzyl Alyp Khys”, recorded by D. I. Chankov and V. I. Domozhakov from M. K. Dobrov with the aim of identifying features of traditional wisdom associated with these peoples’ image of the world. The specificity of the Khakass and Shors’ traditional image of the world can be traced in peculiarities of the artistic space, time, and the system of characters. The author identifies and analyzes the most frequently recurring motifs and images, objects of the objective world, serving as a key to understanding

МАЙНАГАШЕВА Нина Семеновна – к. филол. н., в. н. с. сектора литературы Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия.

E-mail: Nina_71@inbox.ru

MAINAGASHEVA Nina Semenovna – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher of the Department of Literature, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia.

E-mail: Nina_71@inbox.ru

important features of these peoples' culture, and concludes that in the epic of the Khakass and Shor contains most important universals of culture, reflecting a system of concepts and way of understanding the world. Spatial representations of these peoples are the most clearly identifiable, and the artistic image of "own" space is formed through images of the mountain (ridge), steppe, great river, hitching post, and white yurt.

It is identified that the most important reference universals in the Khakass and Shor epic are earth, water (*chir-sug*), and the closely related images of mountain, steppe, yurt, and the hitching post. They have strong ethnic-cultural characteristics and reflect views of these peoples about the Universe and about "own" world; the ideas about man's place in the world are fixed in them. The considered texts of epic tales testify that according to the Khakass and Shor views, in the tripartite structure of the Universe, the Under World is a kind of a "dark" mirror reflection of the Middle (solar) World.

Keywords: Khakass, Shors, folklore, epic, national image of the word, space, time, traditional worldview, universals of culture, motif, image.

Acknowledgements: The research is financially supported by the Russian Foundation for Humanities, project No. 16-04-00332 (a).

Введение

В процессе исследования национальной специфики культуры того или иного народа важным становится выявление особенностей образа мира как одной из составляющих мировоззрения этноса. Также своеобразие культуры каждого народа в век глобализации представляет огромный интерес для науки. В эпоху глобальных кризисных процессов наиболее уязвимыми становятся народы с малой численностью, языки и культура которых находятся на грани исчезновения. Таковыми являются хакасы, численность которых на данный момент составляет чуть более 70000 человек, и шорцы численностью чуть более 13000 человек. Хакасы и шорцы – близкородственные народы с общей исторической судьбой и культурой. Знания, верования, обычаи, фольклор, духовные ценности, т. е. традиционное культурное наследие этих народов свидетельствует об этом. Эпические сказания хакасов (*алыптыг ныхмах* 'богатырское сказание', *чаалыг ныхмах* 'сказание о войне', *нартнах* 'сказание', 'сказка') и шорцев (*алыптыг ныбак*, *нарпах*) создавались на протяжении многих столетий. Эпос является самым крупным жанром фольклора. Сбор и исследование героических сказаний хакасов и шорцев связаны с именами таких известных отечественных ученых, как В. В. Радлов, Н. Ф. Катанов, В. И. Вербицкий, А. В. Адрианов и др., в XX в. – с именами ученых-фольклористов, представителей этих народов, зафиксировавших как сказания, так и важные сведения о сказителях. Это Н. П. Дыренкова, А. И. Чудояков, В. Е. Майногашева, П. А. Трояков, Л. Н. Арбачакова. Они записали немалое количество текстов сказаний от последних сказителей. Собранный фонд сказаний хранится в рукописном фонде Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, в архиве сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН в Новосибирске, Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере), а также в личных архивах некоторых исследователей. По сей день остаются неизданными тексты сотен сказаний. В науке XX в. получил описание сам процесс сказывания эпоса этих народов, исследованы тематика, исторические основы, поэтический строй, идейно-художественная и жанрово-стилистическая специфика. Многие ученые пришли к мысли о том, что эпос занимает особое место в культуре народа, являясь вершинным поэтическим достижением [1, с. 3].

В исследовании национального эпического наследия, как и фольклора, литературы и культуры в целом, важно выявление специфики воссоздания объективно существующего национального мира, т. е. среды, быта, религии, психологии народа в произведениях художественной словесности. Согласно Г. Д. Гачеву, для понимания национального своеобразия произведения, будь то фольклорного или литературного, важно понять «национальную художественную логику», т. е. «какой "сеткой координат" данный народ улавливает мир и, соответственно, какой космос (в древнем смысле слова: строй мира, миропорядок) изображает он в своем художественном творчестве», ведь каждый народ мир видит «в особой проекции», которую ученый называет «национальным образом мира» [2, с. 11].

Учитывая, что в произведениях фольклора сохраняются традиционные представления народа, связанные с образом мира или моделью мира, для выявления специфики образа мира

в эпосе хакасов и шорцев нами были выделены многократно повторяющиеся образы, мотивы в эпических сказаниях, записанных от разных сказителей. Е. Н. Кузьмина отмечает, что «героический эпос народов Сибири относится к числу феноменальных явлений мировой цивилизации», в связи с этим его «значимость для культуры этноса трудно переоценить», «хорошо развитая художественная система, устойчивая эпическая традиция способствовали тому, что героические сказания, в своей основе сохранили архаические черты первобытного мышления» [3, с. 3].

Многократно повторяющиеся образы и мотивы в текстах сказаний, как и в любом другом фольклорном произведении, нужно воспринимать как закономерное явление, как «стереотип художественного мышления», который формируется «безотчетно, спонтанно – из общности восприятия своего мира и себя в нем» [4, с. 7]. Исследователь А. Ф. Кофман отмечает, что художественный стереотип – это «нечто внешнее, иначе говоря, форма», а исследование «генезиса и символического смысла, сокрытого в стереотипе, выводит к его содержанию – а именно к архетипу художественного мышления и составляет художественный код данной культуры». По мнению ученого, между этими постоянными мотивами и образами существуют смысловые связи, составляющие «мифологическую инфраструктуру» [4, с. 9].

В данном направлении – выявлении специфики образа мира через художественное сознание народа – есть определенный опыт исследователей на основе сопоставительно-текстологического анализа образов, мотивов, тем, сюжетных элементов. В своей работе мы опирались на упомянутые выше труды Г. Д. Гачева и А. Ф. Кофмана, В. С. Непомнящего [5], У. Б. Далгат [6], С. В. Шешуновой [7] и др.

В своей статье мы попытались найти и выделить основные черты шорского и хакасского образа мира через выявление этнической специфики художественного пространства и времени в эпических сказаниях.

Образ пространства в эпосе хакасов и шорцев

Общеизвестно, что пространство и время – важнейшие категории в восприятии мира любого народа, и каждый народ в пространстве выделяет какие-то значимые для него объекты, которым придается особый смысл и которые непременно получают отражение в художественном творчестве народа через определенные мотивы, образы и сюжеты.

При анализе художественного пространства хакасского и шорского эпосов нами выделены такие повторяющиеся образы, наделенные особым смыслом, как: *сын* 'гора', 'хребет', 'перевал'; *хыр* 'возвышенность', 'гребень горы'; *тасхыл* 'высокая безлесная гора', 'цепь высоких гор'; *чазы/сёл* 'степь'; *талай суг* 'великая река', 'море'. Наиболее часто встречающийся образ горы, хребта или перевала и в хакасских, и шорских сказаниях характеризуется как *ах сын* 'белый горный хребет', 'белый перевал'; *хара сын* 'черный горный хребет'; *аргалыг сын* 'хребет с высоким гребнем'; *тастыг сын* 'каменистый хребет'; *азырых сын* 'горный хребет с ветвями'; *таг пöзігі* 'самая высокая из гор'; *пöгіні чох сын* 'бесчисленное количество гор/хребтов'; *кiлiң сын* 'сверкающая гора'; *ат асчаң аргалыг сын* 'горный хребет, через который [обычно] лошади спускаются'; *ат ашпас аргалыг сын* 'горный хребет, с которого конь не спускается'; *тебир сын* 'железный хребет'.

Хайзы-хайзы ырах чирде
Чир аргазы хара сынны
Кöрiп тапты Хан Мирген.
Аран чула хан поэрах ат,
Чилбiген чили чилбеп,
Читiре ойлап парыпчададыр.
Идек паза читiре ойлап,
Чир пöзігі Хара сынга
Сегiрiп, сыгара ойлап килiп,
Анда тура тускен [8, с. 37].

Далеко-далеко
На поверхности земли черный хребет
Увидал Хан Мирген.
Богатырский кроваво-рыжий конь,
Словно Чилбиген размахиваясь,
Достигая [хребта], бежит.
Наступая на подол, бежит,
На вершину земли, на черный хребет,
На полном скаку поднялся,
И встал там [Пер. наш].

Ат ашпас
 Арғалығ сынға
 Қыр қор ат кел-тұшти.
 Қыр қор ат аттың үстүнде
 Тайға шени алып эрбектенча:
 – Пай, пай, Алтын Арығы
 Аттап-шаптап кудалап киргеним,
 Шак, по черге қара шериг
 Қара шағба кир партыр... [9, с. 12].

На их родовую гору,
 Куда чужой конь не ступает,
 Серо-каурый конь спустился.
 На том серо-кауром коне,
 Подобный горе, алып сидит:
 – Пай, пай, Алтын Арыг-девушку,
 Именитую-славную посватать хотел.
 Однако на эту землю злые шериг-воины
 С войной пришли... [9, с. 13].



Рис. 1. Иллюстрация к сказанию «Алтын Арыг» (Художник В. А. Тодыков)

В эпосе отчетливо прослеживаются пространственные оппозиции. Гора выступает своеобразной границей между «своим» и «чужим» пространством. За горой же – неизвестность, опасность, «чужая» территория – в хакасском и шорском языках звучит как *аархы чир* ‘дальняя сторона’, ‘противоположная сторона’. В противоположной стороне горы/хребта сама природа не такая, как на земле богатыря. Горам как месту обитания солнечного человека противопоставляется подземный мир, называясь в эпосе, кроме других названий, *чир чабызы* ‘низина земли’, ‘самое низкое место во Вселенной’. Например, Пора Хан в сказании «Тюлгю хызыл Алып Хыс» («Рыжая дева-богатырша») поднимается на белый хребет и видит, что там «нет леса, чтобы спрятаться зверю, нет даже ручейка, чтобы птице сесть». Также противопоставляется солнечная земля богатыря, как райская земля, называясь *күн сыгызы чир* ‘земля, где солнце всходит’ и подземный мир – *күн кірізі чир* ‘земля заката’. Горами, рядом горных хребтов защищена земля богатыря – сакральное пространство, которое обозначено такими объектами, как *ах сын* ‘гора’, *ах чазы* ‘белая степь’, *алтын сарчын* ‘золотая коновязь’, *ах өрге/иб* ‘белый дворец’. В свою очередь эти объекты сформированы вокруг одного из важнейших «опорных элементов космогонии» (по Кофману) – землей. На горе чаще всего в эпосе происходят самые важные события: битва богатыря с богатырями-захватчиками, переговоры с богатырями-чужеземцами, состязания с другими богатырями и суженым (или суженой), с горы богатырь осматривает не только свои земли, свой народ и скот, но и владения других ханов-богатырей.

Арғалығ сынның үстүнде
Аттарын тохтадып,
Аархы саринікі чахсы,
Айланып, көр турғаннар.

Ах хум сынның алтында
Синемча мал чөр парған,
Аххум талай хазында
Синемча чон чуртап парған [10, с. 141].

На вершине высокого хребта
Коней своих осадили,
Придерживая [коней] двое благородных
Стали осматривать другую сторону
[хребта].

У подножия хребта Ах-Хум
Скота ходило не очень много.
На берегу великой реки Ах хум
Народа жило не очень много [10, с. 142].

Также образ горы непременно связан с множеством трудностей, которые преодолевает богатырь, это может быть и непроходимая тайга, и крутые скалистые хребты. Порой богатырь проходит через множество хребтов, чтобы достичь цели. Например, в шорском эпосе «Алып Кускун»:

Нана-нана келгеннерде,
Постарың черге
Алтон ашкымның
Қара тайганың төзүңге
Сылағайлығ сын
Эзер койну кел, пелге кел түштилер
[9, с. 122].

Так они ехали, ехали,
В родную землю свою
К черной горе
С шестьюдесятью перевалами прибыли.
По гладкому хребту
В объятия седловины спустились
[9, с. 123].

У многих народов гора наряду с мировым деревом (как порождением земли) является архетипом центра Вселенной. Предки хакасов испокон веков проводили обряд моления горе. Гора у хакасов и шорцев входит в число священных объектов. В. Е. Майногашева отмечает, что в хакаском эпосе «Ай-Хуучин» дева Ай-Чарых «как вознаграждение за спасение сил и ума Ай-Хуучин Богом-творцом навечно определяется жить на вершине горы Ах-сын (Белый хребет), куда взлетает, приняв облик ласточки» [11, с. 84]. В эпосе рядом с горой у ее подножья многократно упоминается *чазы* 'степь', где пасется многочисленный скот и живет-процветает народ. Степь или пастбище характеризуется как *ах чазы* 'белая степь', *көк чазы* 'зеленая степь', *чалбах чазы* 'широкая, бескрайняя степь', *ирбенниг чазы* 'степь с богородской травой'. В сказаниях степь – это место, где находится владение богатыря:

Ах иб алнында айланып,
Харап көр турадыр,
Халын чахсы чуртын
Тобыра көр турадыр,

Сөл чазыдагы малын
Сани көр турадыр
Улус – аймах чон
Улуғ чырғалда чуртапчадыр,
Чалбах чазыда хадарған мал
Чайылып, отапчададыр

[10, с. 11].

Повернулась и на улицу вышла,
Перед белым домом она ходит,
Пристально смотрит,
Свое богатое, хорошее владение
Внимательно рассматривает,
Скот, что в пустынной степи [пасется],
Оглядывает и считает.
Народ – разные люди
Живут [здесь] в свое удовольствие,
Пасущийся в просторной степи скот
Во все стороны разбредается

[10, с. 12].

Ах чазы 'белая степь' и *көк чазы* 'зеленая степь' являются органической частью «своего» пространства, здесь чаще всего находится дом родной, скот и владения богатыря – *чурт*. Степь бывает и в «чужом» пространстве и является преградой для героя (образ, пришедший в фольклор из шаманской мифологии). И эта степь характеризуется как неживая: *сөл чазы*, *хум чазы* 'пустыня'; *саасхан түспес сарыг сөл*, *хухун түспес хуба сөл* 'желтая степь, на которую сорока не спускается, голая степь, на которую ворон не садится'.

Важной частью «своего» пространства в эпосе также являются *талай* или *тиңіс талай* ‘великая река’ и *сүттіг көл* ‘молочное озеро’ как образ праматери жизни и обозначаются как *ах талай* ‘белая великая река’, *хара талай* ‘черная великая река’ и *көк талай* ‘синяя великая река’. Владения богатыря-хана и народ его со скотом обязательно находятся на берегу великой реки, реки-морья или молочного озера. Например, в шорском эпосе «Қаннан чабыс Қан Перген»: *Ақ талайды қаптап келип, / Қазын ағашқа пұр өзүп шығарда, / Қалық чон чада пертир*. ‘По берегу белого моря, / Когда на березовых деревьях листья вырастали, / Народ-общество расселился’ [12, с. 86-87]. В эпосе ханы-богатыри выходят к белому морю, умываются белой пеной, мылом с лошадиную голову или просто водой, обретая при этом силу и молодость. Так, например, в хакасском эпосе «Рыжая дева-богатырша» Хан-Арыг после того, как сама разрешила пуповину после рождения ребенка, отправляется умыться к *ах талай*, как бы с целью искупления греха, т. к. пуповину должны отрезать старухи. Вода имеет очистительную силу. В шорском эпосе имянаречение богатырей часто происходит на берегу великой реки-морья:

Алтын өргеден пас шыға-берди.
Алтын өргеден пас шығып,
Қара талай қажынға пас тұжұп,
Улгени үзе кел қыйғырча,
Часты пара кел қыйғырча!
– Адым адар кижі
Алынға келзин.
Адым адабас кижі
Чагын пашпазын! [9, с.76]

Из золотого дворца выйдя,
К берегу черного талай-морья отправился
Небеса Ульгения разрывая зовет.
Даль степную раскалывая, призывает:
– Именем меня нарекающий
Пусть ко мне подойдет,
Имени дать не желающий
Близко пусть не подходит! [9, с. 77]

Порой на дне белого моря богатырь находит своего богатырского коня. Данный мотив – обитание богатырского коня на дне моря или озера – является достаточно распространенным в фольклоре многих тюрко-монгольских народов. Так, в сказании «Албынжи» Алып Хан Хыс по книге узнает, что конь одного из богатырей (Албынжи и Тюн Хара) находится на дне белого моря. Вода имеет силу очищения: творящая зло богатырша из подземного мира Узут Арыг навечно опускается на дно черного моря. И в хакасском и в шорском эпосах встречается место пересечения девяти рек-морей (*тогыс талай хазы*), куда богатырь отправляется в поисках человека, дающего имя, справедливого суда или же в поисках разрешения какой-либо проблемы. Так, в сказании «Рыжая дева-богатырша» имеющую сорок дочерей Хыйазым Арыг богатыршу из подземного мира ведут на суд к месту пересечения девяти морей за то, что она сожгла младенца на костре и женила на себе и удерживала возле себя своими колдовскими чарами богатыря солнечного мира Пора Хана:

Алтын Хусха Тюлгю Хызыл
Амды киліп чоохтапча:
– Тогыс талай піріккен чир,
Онынчызы Ос талай полча.
Ол талайларның пилтірлерінде
Тогыс чараалыг Алтын Иргек
Паза талай ханы чаргы итчелер.
Пу киректі анда үзүртерге [13, с. 132].

Рыжая [дева-богатырша], к Алтын Хусу
подойдя, говорит:
– [Есть] место пересечения девяти морей,
Десятое море называется Ос.
На месте слияния этих рек-морей
С девятью проборами Алтын Иргек
И царь рек-морей суд вершат.
Это дело [пусть] там решается [Пер. наш].

Значимыми объектами в эпосе являются *сарчын/теек* ‘коновязь’, *ах өрге/ах иб* ‘белый дворец/белая юрта’, *алтын өрге/алтын иб* ‘золотой дворец/золотая юрта’. Они имеют важное функциональное значение и, как мы упоминали выше, являются тесно связанными с образом земли как опорным элементом космогонии. Во дворце или юрте всегда обозначаются другие важные объекты: *алтын халха* ‘золотые двери’, *алтын сірее* ‘золотая скамья’ и *алтын стол* ‘золотой стол’. В героических сказаниях хакасов и шорцев богатыри, возвращаясь в свои владения

или направляясь во владения другого богатыря, спускаются с горы/хребта, как правило, в *аал* 'селение', где живет его народ, привязывают коня к коновязи, открывают золотые ворота, входят во дворец и садятся за золотой стол. Когда богатырь покидает свои владения, он движется с точностью до наоборот – от золотого стола до белого хребта: *алтын стол* → *алтын халха* → *алтын сарчын* → *аал* → *ах сын*. Приведем наглядные примеры из текстов:

Анымчоғын пирип, Хан Мирген,
*Алтын хаалханың*ікі хыринаң
Тоғыс тазын терізінең иткен
Тобырчиінаң сабызып, сых парир...
Аннаң аңдар *ах ибінең* сыхты,
Аран чула хан позырах атты

Алтын теектең сискен.
Ізеңе түбін көре тепкен,
Изер ойына одырыбысхан.
Аргалыг сынзар соплат парир [13, с. 119].

Аалны көре ин түскен,
Улуг аалны аралы килді,
Ах өргее чидіп, кіріп килді.
Кіріп килзе, алтын чағалыг кип кис салған
Хамахтаң пасти ағарып,
Хыр саап парған хан кізі одырчададыр.
Албынчы, изен сала, изен тіп,
Алтын сіреге одырыбысхан [14, с. 78].

Хан Мирген, попрощавшись,
Два косяка золотой двери,
Шитой из шкур девяти быков,
Нагайкой стукнув, выходит...
Затем, выйдя из белой юрты,
Кроваво-рыжего крылатого коня
богатырского
Отвязал от золотой коновязи.
Вскочил на стремяна,
Сел на выемку седла.
Помчался на хребет с высоким гребнем
[Пер. наш].

Спустился в селение [увидев],
Прошел через большое селение,
Дошел до белого дворца, зашел.
Как зашел, [видит] в шубе с позолоченным
воротником,
Начиная со лба,
Весь седой хан сидит.
Албынжи, поздоровавшись,
Сел на золотую скамью [Пер. наш].

Схема последовательного движения богатыря и многократное упоминание одних и тех же объектов при этом является своеобразным символом некой гармонии и стабильности жизни, это своеобразный миропорядок, противопоставление упорядоченности «своего» мира хаосу.

Также важным объектом солнечного мира в эпосе хакасов и шорцев является образ мирового древа: это золотой тополь (*алтын тирек*) или золотая береза (*алтын хазың*). Как правило, золотая береза вырастает внезапно и так же внезапно исчезает после того, как на ней споют золотые кукушки, сообщая или предвещая что-либо. Золотая береза вырастает до небес, что символизирует связь всех миров: подземного, солнечного и верхнего. Кукушка и другие птицы (порой просто «пестрая птица») в эпосе хакасов и шорцев являются священными существами. В некоторых эпических произведениях они своим пением оживляют богатырей, а совершенно безгрешные представители солнечного мира превращаются в птиц. В сказании «Албынжи» пение кукушки оживляет все вокруг, возвращает память Хулатаю, заколдованному богатыршей подземного мира Узут Арыг:

Ат пазынча арыг көбк хус
Тастыг сынның үстүнде түскен.
Тастыг сынның үстүнде одыра түзіп,
Тапсап тура парған.
Аар айланып, тапсаза,
Хуруп парған ағасха пұр өзіп турадыр.

С лошадиную голову пречистая кукушка
Опустилась на каменный хребет.
Сев на каменный хребет,
Начала петь.
Туда повернувшись, голос подаст –
На высохших деревьях листья
распускаются

Пeer айланып тапсаза,
Хуруп парған чулаттарда
Суғ соолап ахчададыр.
Аның табызына өліп парған ниме
Тірілчеткен чілі пілдіредір,
Ізі чох кізінің сағызы кірчеткендег
поладыр.
Хулатайның ис-сағызы орнына кіре-чөре
парған [14, с. 53].

Сюда повернувшись, голос подаст –
На месте высохших ручьев
Вода, звеня, начинает течь.
От ее голоса мертвое кажется
оживающим,
[Кажется], что к потерявшему рассудок
память возвращается.
Память к Хулатаю вернулась
[Пер. наш].

Насыщенность текстов сказаний образами данных физических объектов – горы, степи, коновязи, юрты/дворца, стола и скамьи – как мы полагаем, в представлении хакасов и шорцев позволяет составить своеобразную пространственную структуру мира, в которой воплотилась система ценностей этих двух близкородственных народов, их традиции. По традиционным представлениям хакасов и шорцев, Вселенная состоит из трех миров: Нижнего, Срединного (или солнечного) и Верхнего. В эпосе это четко прослеживается. Все выше описанные объекты относятся к Срединному – солнечному – миру и, как в зазеркалье, может наличествовать в Нижнем мире, т. к. богатыри солнечного мира легко перемещаются в подземный мир через *чир тўнўгі* ‘отверстие в подземный мир’, а богатыри подземного мира приходят в солнечный мир. *Чир алты* ‘подземный мир’ (хака.) и *терең чер* ‘глубокий мир’, ‘подземный мир’ (шор.) относятся к «чужому» пространству. Нет ни одного сказания, пожалуй, у хакасов и шорцев, где бы ни упоминались богатыри – разные демонические существа подземного мира – как обычные враги богатырей солнечного мира.

Наличие тех же пространственных объектов, с такой же последовательной схемой движения богатыря в пространстве наблюдаем и в «чужом», потустороннем, мире (*чир алты*, *там чир*), т. е. во владениях подземного царя. Отличие только в том, что здесь, в потустороннем мире чаще всего текут черные реки (или вовсе отсутствуют), цветут черные тальники, богатыри спускаются с черного хребта на песчаную степь, а у черного дворца-юрты стоит черная коновязь, к коновязи привязана черная или серая лошадь. Солнце и луна здесь половинчатые (*чамдых ай* ‘половинчатая луна’, *чамдых кўн* ‘половинчатое солнце’). Порой сказители не объясняют особенности этого мира, просто говорят «земля с другой почвой», а реки «с другой водой»:

Аттаң чазағ ікі алып
Кўн сығызы чирзер ойлас сыхтылар,
Чирдең пасха чирге, суғдаң пасха суға
Сабыл парыбысхан ойласчададырлар

Пеших [от коня] два богатыря
Помчались к месту восхода солнца,
К земле с другой землей, к реке с другой водой
Бегут, удаляясь [Пер. наш].

[8, с. 60].

Также говорится, что там ‘скот с неузнаваемой мастью, народ с неузнаваемой речью’ – *тўк тилишпес мал парып одурғаны*, / *тил уңаһшпас арга чон парып турғаны*; или *иңні пасха ил чирі*, *арғазы пасха чат чирі* ‘земля народа с другими плечами, земля [чужого племени] с другой спиной’. В подземный мир богатыри попадают через определенное отверстие *тўнўк* (как дымовое отверстие в юрте) или богатырь мечом рассекает землю и спускается вниз. Это и просто *чир алты*, и слой земли в сорок слоев и семьдесят слоев: *хырых там чир*, *читон там чир*. В шорских сказаниях богатырь зачастую спускается в *там чир* по лестнице. Так, Қан Перген в шорском эпосе «Самый невысокий из богатырей Қан Перген» рассекает землю своим мечом и спускается в подземный мир, а Алып Кускун через *тўнўк* спускается в подземный мир в поисках души (*хут*) сына.

Как нам представляется, многократно повторяющиеся в эпосе хакасов и шорцев образы степи, горы, реки-моря с эпитетами *ах* ‘белый’, *көк* ‘зеленый’ – это не только эпитеты, выражающие особенности определенного географического пространства, но и важнейшие понятия, отражающие специфику мифопоэтического пространства. Хакасы и шорцы издавна видели перед

глазами широкие степи и высокие горы, обживали их, поклонялись высоким горам. Сказители, как и сам народ, придавали этим объектам особое значение и непременно включали их образы в свои сказания, передавая из поколения в поколение. Образы *ах чазы* 'белая степь', *көк чазы* 'зеленая степь', *ах талай* 'белое море', *ах тасхыл* 'белая вершина', *көк тасхыл* 'синяя вершина' стали своеобразным клише для произведений фольклора, не только речевым, но и психологическим. Это, скорее всего, не набор простых эпитетов, а «типовые, народно-отстоявшиеся зрительные представления» [14, с. 70].

Образ Верхнего мира, где обитают Боги и высшее божество Ульген, также глубоко значим и важен в пространственном представлении хакасов и шорцев. В эпических сказаниях многократно повторяется образ неба – *тегри* (шор.), *тигир*, *хан тигир* (хак.), а также связанные с ним образы солнца, луны, звезд, облаков, птиц, крылатых коней.

В эпосе хакасов и шорцев небо, как и подземный мир, бывает и «седьмым» или в «семь слоев» *читі там тигир*, в сорок или семьдесят слоев – *хырых там тигир*, *читон там тигир*. В шорских сказаниях зачастую после имянаречения богатыря давший имя дряхлый старик внезапно исчезает, позже богатырь обнаруживает, что он по белой ниточке поднимается на небо. Так, в сказании «Алып Кускун» сын Алып Кускуна получает имя Алтын Сом от старца, оказавшегося самым творцом:

Анаң айлан-келип,
Оолағаш көргени:
Апшый кижі алында чоғулок,
Эбире көрча оолағаш – чоқ,
Естенгизи четон тегриге көргени:
Анда ақ чибек пол келип,
Тартыл шыға бертир [9, с. 80].

Когда назад малыш обернулся –
Того старца уже нет рядом!
Все вокруг осмотрел – нигде нет.
Кверху семидесяти небес взглянул:
Белой пряденой нитью
Он к небесам поднимается [9, с. 81].

А когда Алтын Арыг уговаривает брата Алып Кускуна жениться на Алтын Торгу, а Алып Кускун сомневается, то во дворце внезапно появляются две прекрасные девушки с одним именем – Айас Кёёк, от лучистых глаз и одежды которых весь дворец озаряется. «Единственному творцу-чайаачы мы служим», «спустились, чтобы вас, Алып Кускун, с Алтын Торгу поженить», – объясняют они. Выполнив свою миссию, они уходят в небо:

Ийги кыс палазы тур-келип,
– Ам пис нанмокчабыс! – теп,
Алтын өргедең пас шығып,
Ўстүнгүзи четон тегриге
Ақ чибек қабылып, шыға-бердилер
[9, с. 62].

Две девушки Айас Кёёк:
– Мы возвращаемся тоже! – сказав,
Из золотого дворца вышли,
Белой шелковой нитью
К семидесяти небесам поднялись
[9, с. 63].

По эпическим текстам хакасов и шорцев можно судить о том, что связь между солнечным и подземным мирами более тесная, в то время как Верхний мир достижим только для избранных представителей солнечного мира. Творцы и другие представители Верхнего мира спускаются на землю при крайней необходимости – так божества регулируют жизнь в мире людей. По сравнению с образами подземного мира небо в эпосе упоминается значительно реже, больше упоминаются образы птиц, луны и солнца.

Образ времени

Восприятие времени у хакасов и шорцев также имеет свою специфику. Во всех сказаниях обязательно есть упоминание времени первотворения: *Пурун пурун полчадырзын*, / *Пурунгу төлдүң соонда полган*. / *Амдыгы төлдүң алнында полган*. / *Чеген келе төзелер темде*, / *По чер полза чайалар шенде* (Давным давно было, / Прежнего поколения после было, / Нынешнего поколения раньше было, / В то время, когда вселенная обосновалась, / Когда эта земля создалась) [12, с. 86].

Это оговаривается и у хакасов, и у шорцев в зачине сказания. Например, в хакасском эпосе «Алтын Арыг»: *Чир настан пұт парганда, / Чылтыстар хада төреен полтыр. / Ах чарыхтың алтында / Аргал чон чуртап пастаан* (Когда земля создавалась, / Тогда же и звезды рождались, говорят. / На всем белом свете / Народ начинал жить) [10, с. 250]. В шорском эпосе «Самый невысокий из ханов Хан-Перген»: *Пурун пурун полчадырзын, / Пурунгу төлдүң соонда полган. / Амдыгытөлдүң алнында полган. / Чеген келе төзелер темде, / По чер полза чайалар шенде* (Давным-давно было, / Прежнего поколения после было, / Нынешнего поколения раньше было, / В то время, когда вселенная обосновалась) [12, с. 87].

Кроме эпического времени в сказаниях *тус, тим* ‘время’ измеряется чаще всего днями (*кен*), реже – сутками (*хоных*), месяцами (*ай*) и лунным циклом. Так, шорские и хакасские богатыри по шесть, семь и девять дней, а то и девять месяцев пируют, сидя за столом, до сорока дней и даже несколько лет бьются с врагом, сорок, шестьдесят и семьдесят лет порой богатыри не покидают свои владения, три дня спят после имянаречения (чтобы имя пристало). Родившись, за сутки вырастают, как за год, за двое суток – как за два года. Например, в сказании о Рыжей деве-богатырше Пора хан сообщает, что шестьдесят-семьдесят лет он дикого мяса не ел и не седлал своего богатырского крылатого коня, что служит предлогом покинуть свои владения:

Алғаным минің, Пора Нинчі,	Жена моя, Пора Нинчи,
Аң иді чібін, алтон чылға читтім,	Шестьдесят лет прошло, как не ел мяса дикого зверя,
Хус иді чібін, читон чылға читтім,	Семьдесят лет прошло, как не ел мяса дикой птицы,
Аран чула поратха изер салбин,	Пятьдесят лет прошло, как не седлал своего
Иліг чылға чит пардым	богатырского коня [Пер. наш].

[13, с. 103].

Подобные слова Пора хана могут свидетельствовать о стабильной жизни в его владениях в течение указанного времени, когда ему не было необходимости седлать своего богатырского коня, т. е. о мире и благополучии. Зачастую богатырь, покидая свой дом и владения, дает наказ жене и домашним ждать его шесть-семь лет, если не вернется к этому времени, значит, они могут считать его погибшим:

Албынчы чоохтап тур:	Албынжи говорит:
– Че пар көрим, алты чылға читіре	– Я пойду, до шести лет
Сағып чөрерзің, алған кізім, Кілің Арығ,	Будешь ждать, жена моя, Килин Арыг,
Алты чылы азыбыссам,	Если за это время не вернусь,
Азып халды тіп, сағын чөрерзің	Будешь думать, что умер

[8, с. 91]. [Пер. наш].

Хотя в некоторых сказаниях встречается и такой факт, когда богатырь сражается с врагами подземного мира тридцать-сорок лет. Так, в шорском сказании о Кара Кане говорится: *Қара Қан одус чылға шығара қабышча чер алтында* ‘Кара Кан около тридцати лет борется в подземном мире’.

В процессе преодоления больших расстояний время в эпосе хакасов и шорцев обозначается одинаково: *чыл парар чир* ‘место, куда год добираться’, *ай парар чир* ‘место, куда месяц идти’; неопределенное количество времени *ұр-ас парган* ‘долго ли, коротко ли шел’. А также для обозначения времени в эпосе использовались общеизвестные циклические природные явления – то, что происходит один раз в год, например, линька птиц и животных, появление листьев на деревьях, выведение птенцов птицами и т. д.

Хас-хачаннаң, хара-пуруннаң	Издавна, с далеких времен
Ханаттыг хус ұс пузурап читпеен,	Птица с крыльями, три раза полиняв,
	не долетела,
Хара азахтыг аң алты түлеп читпеен	Зверь с черными ногами, шесть раз
	полиняв, не добежал [Пер. наш].

[13, с. 112].

Хакасские и шорские сказители также прибегали к особому виду обозначения времени, когда не говорится «двадцать семь лет», а *ўс тоғус чыл* ‘трижды девять лет’, *ікі читі чыл* ‘дважды семь лет’ и т. д.: *Ўш тоғус кўнге шақ по черде, / Қадығ қарбаиш полуп турды.* – ‘Трижды девять дней в самой этой земле / Жестокая схватка была’.

Заключение

Таким образом, важнейшими опорными универсалиями в эпосе хакасов и шорцев выступают *земля, вода (чир-суг)* и тесно связанные с ними образы горы, степи, юрты, коновязи. Эти образы, обладая яркой национально-культурной спецификой, отражают пространственные представления этих народов о Вселенной и о «своем» мире, также в них зафиксирован способ осмысления мира и представления о месте человека в мире. Рассмотренные нами образы являются свидетельством того, что, по представлениям хакасов и шорцев, в трехчленной структуре Вселенной наиболее тесная связь существует между Срединным (солнечным) миром и Нижним миром, своеобразным «темным» зеркальным отражением Срединного мира.

В эпосе хакасов и шорцев можно говорить и об устойчивом образе времени, связанном с образом описываемого пространства. Мифическое время первотворения относится как к временной характеристике, так и пространственной (сакральный момент создания «своего» мира).

Литература

1. Арбачакова Л. Н., Кузьмина Е. Н. В. Е. Таннагашев – современный певец шорских сказаний // Сказания шорского кайчи В. Е. Таннагашева / Отв. ред. Е. Н. Кузьмина. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. – С. 3-24.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. – М.: Прогресс-Культура, 1995. – 479 с.
3. Кузьмина Е. Н. О систематизации типических мест героического эпоса народов Сибири // Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): Эксп. изд. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – С. 3-7.
4. Кофман А. Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. – М.: Наследие, 1997. – 320 с.
5. Непомнящий В. С. Пушкин. Русская картина мира. – М.: Наследие, 1999. – 544 с.
6. Далгат У. Б. Этнопоэтика в русской прозе 20-90-х гг. XX века (экскурсы). – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 212 с.
7. Шешунова С. В. Национальный образ мира в русской литературе (П. Е. Мельников-Печерский, И. С. Шмелев, А. И. Солженицын): Дисс. ... д-ра филол. наук. – Дубна, 2006. – 368 с.
8. Албынчы // Алыптыг ныхмахтар (Героические сказания на хакасском языке) / сост. В. И. Доможаков, Д. И. Чанков. – Абакан: Хакасское областное государственное издательство, 1951. – С. 13-98. (на хакасском яз.)
9. Алып Құскун. Шорское героическое сказание / Вступит. ст., сост., пер. Л. Н. Арбачаковой. – Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет», 2011. – 133 с. (на шорском яз.)
10. Алтын Арыҕ. Хакасский героический эпос / Запись и подг. текста, статья, пер. и коммент. В. Е. Майногашевой. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1988. – 592 с. (на хакасском яз.)
11. Майногашева В. Е. Некоторые мифологические и эпические сюжеты и мотивы фольклора хакасов и древневосточные космические легенды // Хакасский героический эпос алыптыг ныхмах: поиски исторических реалий и периодизация (избранные труды). – Абакан: ООО «Книжное издательство “Бригантина”», 2015. – С. 71-89.
12. Қаннаң чабыс Қан Перген. Самозапись С. С. Торбокова // Шорский героический эпос. Том. 1 / Сост., подгот. к изданию, вступит. ст., пер. на рус. яз., примеч., коммент. Д. А. Функа. – М.: ИЭА РАН, 2010. – (Алтаистические исследования). – С. 86-123. (на шорском яз.)
13. Тұлғу Хызыл Алып Хыс // Алыптыг ныхмахтар (Героические сказания на хакасском языке) / сост. В. И. Доможаков, Д. И. Чанков. – Абакан: Хакасское областное государственное издательство, 1951. – С. 101-156. (на хакасском яз.)
14. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский. – М.: Советский писатель, 1988. – 447 с.

References

1. Arbachakova L. N., Kuz'mina E. N. V. E. Tannagashev – sovremennyy pevec shorskih skazaniy [V. E. Tannagashev is a modern singer of Shor legends]. In: Skazaniya shorskogo kajchi V. E. Tannagasheva [Legends of the Shor Kaichi V. E. Tannagashev] / Otv. red. E. N. Kuz'mina. Novosibirsk, RIC NGU, 2015, pp. 3-24.
2. Gachev G. D. Nacional'nye obrazy mira: Kosmo-Psiho-Logos [National images of the world: Cosmo-Psycho-Logos]. Moscow, Progress-Kul'tura, 1995, 479 p.
3. Kuz'mina E. N. O sistematizacii tipicheskikh mest geroicheskogo jeposa narodov Sibiri [On the systematization of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia]. In: Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo jeposa narodov Sibiri (altajcev, burjat, tuvincev, hakasov, shorcev, jakutov) [Catalogue of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvinians, Khakas, Shors, Yakuts)]: Jeksp. izd. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 2005, pp. 3-7.
4. Kofman A. F. Latinoamerikanskij hudozhestvennyj obraz mira [The Latin American artistic image of the world]. Moscow, Nasledie, 1997, 320 p.
5. Nepomnjashnij V. S. Pushkin. Russkaja kartina mira [Pushkin. Russian picture of the world]. Moscow, Nasledie, 1999, 544 p.
6. Dalgat U. B. Jetnopojetika v russkoj proze 20-90-h gg. XX veka (jekskursy) [Ethno-poetics in Russian prose 20-90-ies of XX century (excursions)]. Moscow, IMLI RAN, 2004, 212 p.
7. Sheshunova S. V. Nacional'nyj obraz mira v russkoj literature (P. E. Mel'nikov-Pecherskij, I. S. Shmelev, A. I. Colzhenicyn) [The national image of the world in Russian literature (P. E. Melnikov-Pechersky, I. S. Shmelev, A. I. Solzhenitsyn)]: Diss. ... d-ra filol. nauk. Dubna, 2006, 368 p.
8. Albynny [Albynny]. In: Alyptyr nymahtar (Geroicheskie skazaniya na hakasskom jazyke) [Alyptykh nymakhtar (Heroic epics in Khakass language)] / sost. V. I. Domozhakov, D. I. Chankov. Abakan, Hakasskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1951, pp. 13-98. (In Khakass lang.)
9. Alyp Kuskun. Shorskoe geroicheskoe skazanie [Alyp Kuskun. Shor heroic epic] / Vstupit. st., sost., per. L. N. Arbachakovej. Novosibirsk, ZAO IPP "Ofset", 2011, 133 p. (In Shor lang.)
10. Altyn Aryr. Hakasskij geroicheskij jepos [Altyn Aryr. Khakass heroic epic] / zapis' i podg. teksta, stat'ja, per. i komment. V. E. Majnogashevoj. Moscow, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1988, 592 p. (In Khakass lang.)
11. Majnogasheva V. E. Nekotorye mifologicheskie i jepicheskie sjuzhety i motivy fol'klora hakasov i drevnevostochnye kosmicheskie legendy [Some mythological and epic plots and motives of Khakass folklore and ancient Eastern cosmic legends]. In: Hakasskij geroicheskij jepos alyptyr nymah: poiski istoricheskikh realij i periodizacija (izbrannye trudy) [The Khakass heroic epic alyptykh nymakh: the search for historical realities and periodization (selected works)]. Abakan, OOO "Knizhnoe izdatel'stvo «Brigantina»", 2015, pp. 71-89.
12. Kannan chabys Kan Pergen. Samozapis' S. S. Torbokova [Kannan chabys Kan Pergen. Self-record of S. S. Torbokov]. In: Shorskij geroicheskij jepos [Shor heroic epic]. Tom. 1 / Sost., podgot. k izdaniju, vstupit. st., per. na rus. jaz., primech., komment. D. A. Funka. Moscow, IJeA RAN, 2010. (Altaisticheskie issledovanija [Altaic researches]), 86-123 p. (In Shor lang.)
13. Tylgy Hyzyl Alyp Hys [Tyulgyu Hyzyl Alyp Hys]. In: Alyptyr nymahtar (Geroicheskie skazaniya na hakasskom jazyke) [Alyptykh nymakhtar (Heroic epics in Khakass language)] / sost. V. I. Domozhakov, D. I. Chankov. Abakan, Hakasskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1951, pp. 101-156. (In Khakass lang.)
14. Gachev G. D. Nacional'nye obrazy mira. Obshhie voprosy. Russkij. Bolgarskij. Kirgizskij. Gruzinskij. Armjanskij [National images of the world. General issues. Russian. Bulgarian. Kyrgyz. Georgian. Armenian]. Moscow, Sovetskij pisatel', 1988, 447 p.

